

18+

Вера Иске

Тёмные грани

Сборник мистических повестей

Вера Иске

Тёмные грани. Сборник

мистических повестей

<https://litres.ru/74543339>

ISBN 9785007129244

Аннотация

Что происходит, когда человеческая преданность растоптана, а земные законы бессильны? В силу вступает высший суд. Четыре повести. Четыре судьбы, зажатые в тиски жестоких обстоятельств. Изнуренная работой Эльвира, растворившаяся в быту Марина, смертельно больная учительница Нина и Артур, ставший предателем перед лицом идеальной богини. Древняя магия перекрестков, зеркальные лабиринты и суверенная воля Абсолюта взломают привычную симуляцию будней.

Содержание

СУВЕРЕННАЯ	5
Глава 1. Крах цветущего сада	5
Глава 2. Анатомия и каноны	9
Глава 3. Золотая клетка и 72 гурии	14
Глава 4. Зеркало кармы и холодное угасание	17
Глава 5. Взлом симуляции и право Абсолюта	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тёмные грани Сборник мистических повестей

Вера Иске

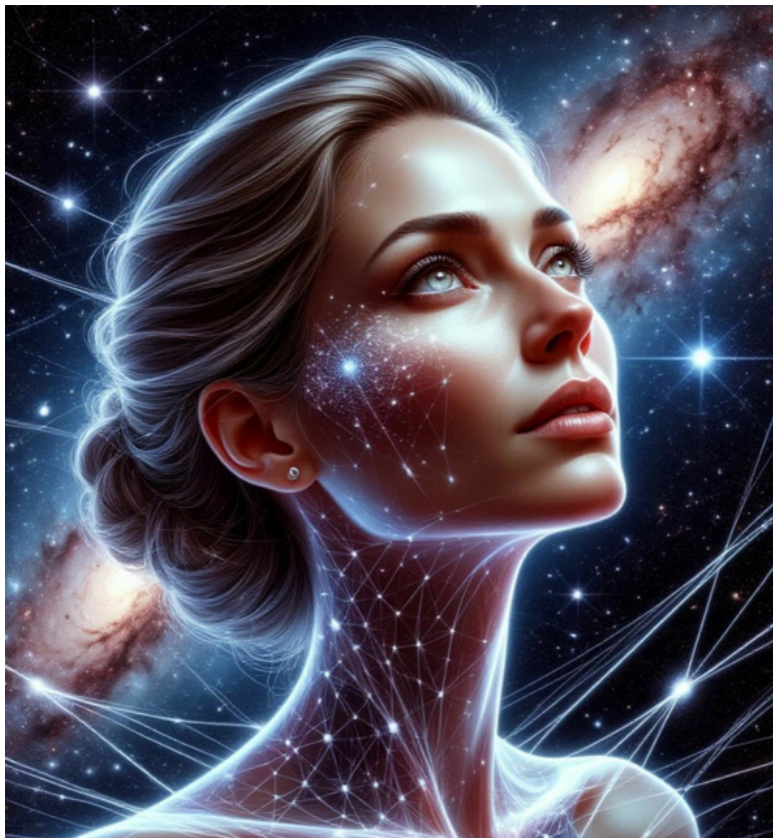
© Вера Иске, 2026

ISBN 978-5-0071-2924-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СУВЕРЕННАЯ

Глава 1. Крах цветущего сада

Двадцать лет Нина возвращалась домой с работы с ощущением, что её там ждут. Подруги с филологического факультета давно разошлись кто куда: у одной дети, у другой ипотека, третья постоянно жаловалась на мужа. Нина слушала их и иногда ловила на себе взгляды, в которых было что-то похожее на зависть. В свои сорок она хорошо выглядела, много читала, не бросала работу и по-прежнему любила преподавать. Ей казалось, что она удачно устроила свою жизнь.

Большую роль в этом она отводила Володе. Он был старше её на десять лет, крупный, спокойный. Работал водителем у генерального директора строительной фирмы, ездил на хорошей машине и привык к ответственности. Нина считала его человеком практичным, иногда даже слишком приземлённым, но дома он был совсем другим. Мог приготовить ужин, забрать её после поздних занятий, купить по дороге цветы. Она привыкла к нему и почти не думала о том, что их отношения когда-нибудь изменятся.

Три года назад Володя пошёл на встречу выпускников. Это был юбилей окончания школы. Перед уходом он долго выбирал рубашку, несколько раз переодевался и ворчал, что встреча будет скучной. Вернулся поздно. Нина сразу заметила перемену, хотя не смогла бы сказать, в чём именно она заключалась. Володя стал чаще смотреть в телефон, закрывал экран, когда она подходила, иногда уходил отвечать на звонки в другую комнату. Появились объяснения про работу

и ночные выезды к начальству. Нина замечала мелочи. Профессия приучила её слышать интонации, замечать паузы и обращать внимание на то, что человек оставляет без ответа. Она спрашивала Володю, что происходит, но он отшучивался или ссылаясь на усталость. Когда Нина пыталась его обнять, он всё чаще отстранялся.

— Нин, ну хватит. Душно. Я устал.

Она делала вид, что ничего особенного не произошло. Так продолжалось несколько лет. Нина возвращалась к одним и тем же разговорам, пыталась вспомнить, когда Володя стал другим, но каждый раз находила для него какое-нибудь объяснение. Может, работа. Может, усталость. Может, ей самой всё это только кажется. В ноябре она задержалась в школе с проверкой изложений девятого класса и вернулась домой позже обычного. В квартире никого не было. На кухонном столе лежали ключи и записка. «Нин, прости. Я ухожу. Мы с Дашей поняли, что не можем друг без друга. Квартиру оставляю тебе».

Даша Соколова была его одноклассницей. Нина знала о ней немного — видела её однажды на школьной фотографии. Она перечитала записку ещё раз. Потом положила её на стол. Дело было не только в том, что у Володи появилась другая женщина. Хуже оказалось другое: Даша была рядом с ним задолго до того, как Нина начала что-либо замечать. Нина не могла понять, почему именно Даша. На фотографии та выглядела старше своих лет. Уставшее лицо, слишком яр-

кий макияж, расплывшиеся черты. Знакомые говорили, что Даша работает диспетчером в службе такси, живёт в старой хрущёвке и много курит. Нина запомнила эти подробности и потом сама не раз к ним возвращалась. Ей казалось, что в них должно быть какое-то объяснение. Володя всегда говорил, что ценит в ней образованность, спокойствие и хороший вкус. Нина помнила эти слова, но теперь они только сильнее резали слух. Он всё равно выбрал другую. В ту ночь она почти не плакала. Сидела на полу в прихожей, прижав к себе школьную тетрадь, которую машинально принесла с работы. Несколько раз открывала её, хотя смотреть было не на что. «Почему она?» Другого вопроса у Нины не было. Минут через десять сердце начало биться чаще. Под лопаткой заныло, затем Нина закашлялась. Кашель был сухим. Она попыталась подняться, но ноги подогнулись, и Нина снова опустилась на пол. Некоторое время сидела, прислонившись к стене, и ждала, пока станет легче.

Глава 2. Анатомия и каноны

Диагноз подтвердился через три недели после ухода Володи. Врач онкоцентра говорил спокойно, почти буднично. Нина слушала его, стараясь не упустить ни слова, но потом вспомнила только его взгляд. Болезнь обнаружили поздно.

— Откуда это во мне? — спросила Нина.

Доктор пожал плечами.

— Причин может быть много. Стресс тоже влияет на организм, но сводить всё только к нему было бы неправильно.

Последних слов Нина почти не слышала. Ей было легче думать о другом: болезнь началась тогда, когда в ней появилась та обида, с которой она прожила несколько лет. В палате постепенно стало тесно от книг. Старшая сестра, сама после тяжёлого развода пришедшая к церкви, принесла молитвослов, икону Пантелеймона и Новый Завет в кожаном переплёте. Нина поблагодарила её, сложила книги на тумбочке и несколько дней к ним не прикасалась. Сестра не отступала.

— Нинка, читай. Кайся. Господь за грехи наши посылает испытания, но Он же и исцеляет. Тебе причаститься надо обязательно. Я батюшку больничного пришлю.

Нина открыла книгу. Она преподавала литературу и всегда относилась к Библии с уважением — как к одному из величайших памятников культуры. Но теперь читала совсем иначе. Ей нужны были не комментарии, не история текста и

не его место в литературе. Хотелось найти в этих страницах что-нибудь, за что можно было бы держаться.

Она листала страницы брошюры об исповеди и искренне не понимала, в каких таких страшных грехах ей нужно каяться. Ведь она всю жизнь была послушной девочкой. Родителей никогда не огорчала, мужу не перечила. Жили они с Володей хорошо, спокойно, никогда не ругались. Об изменах Нины и говорить было нечего — у неё, интеллигентной, тихой и спокойной женщины, даже мысли подобной никогда не возникало, чтобы предать мужа. Ну да, в церковь она не ходила, свечи перед иконами не ставила. Но ведь, если подумать, и сам Иисус в церковь не ходил и свечек не ставил. Он напрямую, без всяких свечей и посредников, молился Богу. И... кстати... не сам же себе он тогда молился в Гефсиманском саду перед казнью? Хм... странно... Если он и есть Бог, то здесь Нина не могла не заметить противоречия. Она дошла до Евангелия от Матфея, до сцены Тайной вечери, и остановилась. Слова, которые миллионы людей веками повторяли почти не задумываясь, зацепили её: «Примите, ядите: сие есть Тело Моё... пейте из неё все, ибо сие есть Кровь Моя...»

Нина опустила книгу на одеяло. Химиотерапию Нина переносила тяжело. После капельниц болели вены, во рту почти постоянно стоял металлический привкус. Поэтому слова о теле и крови теперь воспринимались иначе. Она никак не могла принять, что спасение связано с символическим упо-

треблением плоти и крови. Сам обряд казался ей странным и чужим. Нина закрыла глаза. Зачем Богу, создавшему человека и весь этот мир, понадобилось именно это? Чем больше она читала, тем меньше понимала религию, в которой страданию отводилось столько места.

Через день в палату пришёл больничный священник отец Сергей. Сестра всё-таки его позвала. От священника пахло ладаном и стиральным порошком — обычным, дешёвым. Отец Сергей сел, напротив. Стул скрипнул. Нина поправила шапочку. На пальцах остался волос. Она несколько секунд смотрела на него, потом сжала ладонь и спрятала руку под одеяло.

— Батюшка...

— Да?

— А если Бог один, любящий, в целом добряк... почему мне так страшно?

Отец Сергей наклонился к ней.

— Страх — это человеческое.

— Я не про это.

Она замолчала. За дверью прошёл кто-то из персонала. Шаги стихли.

— Он где сейчас?

Отец Сергей перекрестился.

— Господь с нами всегда.

— Это как?

— Как...

— Он замялся.

— Как с каждым человеком.

Нина усмехнулась, но без улыбки.

— То есть со мной?

— Конечно.

— Здесь? — Она коснулась ладонью груди.

Священник кивнул.

— И здесь тоже.

— А где тогда Он?

Отец Сергей вздохнул.

— Нина, не всё можно объяснить сразу.

— Вы же начали объяснять.

Он посмотрел на неё и ничего не сказал. Потом всё-таки заговорил:

— Бог один. Но в Нём три ипостаси: Отец, Сын и Святой Дух.

— Я знаю.

— Ипостаси не разделяют Бога. Но Христос молился Отцу.

— Да. Значит, самому себе?

Отец Сергей чуть нахмурился.

— Не совсем так.

Нина отвернулась к окну. Снег шёл крупный, мокрый. Несколько хлопьев прилипли к стеклу и медленно поползли вниз. Она повторила про себя: «Не совсем так». Станный ответ. Если не совсем так, то как? Она закрыла глаза. В го-

лове опять возник тот же вопрос, от которого последние дни не было покоя. Неужели можно говорить: «Бог один», если один из Них обращается к другому?

— Батюшка?

— Что?

— А если я этого не понимаю?

Отец Сергей посмотрел на неё.

— Это не грех.

Нина открыла глаза.

— А если я боюсь, что Бога вообще нет?

Священник не сразу нашёлся с ответом. Нина ждала. Потом он заговорил о вере, догматах, о том, как человеку следует принимать испытания. Она слушала несколько минут, пока окончательно не потеряла нить. Ребусы ей были ни к чему. Формул она тоже не хотела. Она умирала и хотела понять, что ждёт её дальше. Но услышала вместо этого длинное объяснение.

— Спасибо, батюшка, — тихо сказала Нина. — Я устала. Мне нужно поспать.

Священник ушёл, оставив на тумбочке брошюру о подготовке к исповеди. Нина отвернулась к стене. Слова о спасении её не успокоили. Правила, обряды, молитвы — во всём этом она пока не могла разобраться. Она лежала молча, глядя в стену.

Глава 3. Золотая клетка и 72 гурии

Нина не оставила попыток разобраться. Теперь она взялась за ислам. Ей давно было интересно, как на Востоке относятся к женщине. Поэзия и древняя культура казались ей частью совсем другого мира. Она попросила бывшую коллегу принести перевод смыслов Корана и несколько авторитетных толкований.

Филологическая привычка заставляла её читать медленно и внимательно: она делала пометки, возвращалась к уже прочитанному, сопоставляла разные места. Выписывала суры, сверяла хадисы. Иногда надолго останавливалась на одной строке, пытаясь понять, что именно в ней её задело. Чтение давалось всё тяжелее. Чем дальше Нина разбиралась в правилах, касавшихся жизни женщины, тем больше вопросов у неё появлялось. Она закрывала книгу, немного сидела молча, а потом снова открывала её, и с каждым новым законом ужас накатывал всё больше.

В статьях богословов ислам часто представлялся как религия, дающая женщине особую защиту и заботу. Но Нина читала эти тексты внимательно и замечала то, о чём авторы предпочитали говорить вскользь. Согласно некоторым толкованиям, мужчина мог иметь вторую, третью и четвёртую жену. При этом согласие первой супруги не требовалось. Для Нины это было трудно принять. Её собственное пред-

ставление о браке, верности и чувствах женщины словно не имело здесь никакого значения. Ещё больше её задела упоминания о наложницах и рабынях из числа пленниц — тех, «кем овладели десницы ваши». Всё это объяснялось защитой женщины, помощью и заботой о ней. Мужчина должен был содержать семью, но вместе с этим получал значительную власть над жизнью женщины. Он мог определять, где она будет жить, как одеваться и в каких случаях выходить из дома. Нина пыталась представить такую жизнь и не могла. Она привыкла сама принимать решения, преподавать, спорить со студентами, свободно высказывать свои мысли. Теперь же предлагаемая ей опека всё больше напоминала зависимость. Но сильнее всего её задело другое. Дойдя до описаний исламского рая — Джанната, Нина снова остановилась и начала перечитывать текст.

Нина читала описания райских садов. Праведники должны были возлежать на расшитых ложах, пить не пьянящее вино и есть плоды. Но больше всего её поразило другое. Для мужчин среди обещанных радостей были гурии — вечно юные девы с чёрными глазами, которым приписывалась вечная девственность. В хадисах встречалось и число семьдесят два. Нина перечитала этот фрагмент ещё раз. Потом в тишине больничной палаты вдруг рассмеялась. Смех получился тихим и хриплым, почти болезненным, но остановиться она не могла. Она вытерла выступившие слёзы и снова посмотрела на страницу. Выходило странно: женщина должна бы-

ла принять многожёнство, соблюдать предписания, жить по установленным правилам, а в обещанном раю её положение от этого почти не менялось. Если её муж получал десятки гурий, то что оставалось ей? Нина представила эту картину и снова усмехнулась. Муж сидит у реки, вокруг него — семьдесят две молодые девы, а жена где-то рядом должна ждать, когда до неё дойдёт очередь.

— Ну уж нет, — прошептала она, закрывая тяжёлый том.
— В такой мужской профилакторий я точно не хочу.

Религия мужчин, написанная мужчинами и для мужчин, не могла залечить её раны. Нина всё чаще думала о своём личном Боге. Если Он вообще существовал, то наверняка был не про это — не про тело, желания и ту ревность, которая столько лет отравляла людям жизнь.

Глава 4. Зеркало кармы и холодное угасание

Болезнь шла своим чередом. Нина продолжала читать и пыталась разобраться в мировых религиях, хотя заниматься этим становилось всё труднее. Простудой и стрессом уже нельзя было объяснить происходящее. Кашель усиливался, становился тяжёлым и надрывным. Температура держалась почти каждый день, и после неё Нина чувствовала себя разбитой. Вес уходил быстро. Под сорочкой всё заметнее выступали ключицы, кожа стала сухой, с сероватым оттенком. Метастазы в лимфоузлах сказались на голосе.

Раньше Нина могла долго говорить на лекциях, не повышая голоса, и её всё равно слышали даже в конце аудитории. Теперь несколько минут разговора утомляли её. Голос сел и стал хриплым, а иногда она просто переходила на шёпот. О диагнозе Володя узнал от её сестры. После этого он приехал к Нине. Его реакцию она не забыла. Наверное, именно тогда окончательно поняла: двадцать лет их жизни вместе уже ничего не значили. В больницу он пришёл всего один раз. На нём была дорогая куртка. От него пахло табаком и морозным воздухом. У двери палаты он остановился, будто не сразу понял, куда деть руки, и только потом подошёл к кровати.

— Нин, ну ты чего это? — пробормотал он, ставя на тумбочку пакет с апельсинами. Нина посмотрела на пакет. По-

сле химии даже глотать было больно.

— Ты держись. Если деньги на лекарства нужны... я переведу. Шеф обещал помочь, если что. Ты не думай, я не брошу в беде.

— Хорошо, — сказала Нина.

Володя сел на стул. Некоторое время молчал, глядя в сторону. Потом посмотрел на её трикотажную шапочку и сразу отвёл глаза. Нина заметила. Раньше они могли разговаривать часами. Теперь Володя будто не знал, что ей сказать.

— Ты как? — спросил он наконец.

Нина посмотрела на него.

— А сам как думаешь? Он промолчал и посмотрел на часы. — Мне скоро ехать. Машина у шефа на прогреве.

Нина ничего не ответила. Володя поднялся, поправил куртку.

— Держись, Нин. Он вышел.

Нина ещё немного смотрела на закрытую дверь. Потом увидела пакет с апельсинами, стоявший на тумбочке, и отвернулась к окну. Когда он ушёл, Нина не заплакала. Она смотрела на стекло и вдруг подумала: дело было не в том, что Дашка оказалась лучше. Володя просто никогда не был тем человеком, которого она когда-то в нём увидела. Много лет Нина сама наделяла его качествами, которых, возможно, и не существовало. Она любила не столько его, сколько собственное представление о нём.

От земной обиды хотелось куда-нибудь уйти, хотя бы

ненадолго. Поэтому Нина обратилась к буддизму. Её филологическому уму сначала понравилась стройность этого учения. Здесь не было Бога в человеческом облике, который наблюдает за людьми с небес, судит их, посылает болезни за грехи или обещает мужчинам гурий после смерти.

Особенно её заинтересовало учение о карме — представление о том, что поступки человека имеют последствия и эти последствия могут проявляться далеко не сразу.

Она записала для себя несколько мыслей:

— ничего не происходит совсем без причины;

— нынешние страдания могут быть связаны с поступками из прошлых жизней;

— жизнь продолжается в череде рождений и смертей, которую называют сансарой.

Поначалу эта мысль принесла Нине облегчение. Ей больше не приходилось спрашивать себя: «За что?» Никто не сидел где-то наверху и не решал, что именно она заслужила. Болезнь можно было представить иначе — как результат чего-то, что произошло задолго до её нынешней жизни. Буддийское представление о перерождении сначала дало Нине надежду. Может быть, эта жизнь не последняя. Может быть, в следующей все сложится иначе, и боль, от которой она сейчас не могла избавиться, останется здесь. Но Нина привыкла не останавливаться на первом объяснении. Она стала читать дальше и довольно скоро столкнулась с тем, что ей оказалось принять гораздо труднее. Анатман — отсутствие постоянно-

го, неизменного «я». Шуньята — пустотность. Нирвана, к которой стремится буддист, связана не с вечной жизнью в каком-то небесном мире, а с прекращением страдания и выходом из привычного круга перерождений. Нина перечитывала эти страницы и все время возвращалась к одному вопросу: если постоянного «я» нет, то что именно продолжает существовать? Она узнала о пяти скандхах — теле, ощущениях, восприятии, воле и сознании, которые вместе создают то, что человек привык называть собой. Со смертью этот набор распадается. В некоторых буддийских объяснениях перерождение сравнивают с одной свечой, от которой зажигают другую. Пламя идёт дальше, но свеча другая.

Нина сидела на больничной койке, слушая хрип в собственных легких, и понимала: буддизм предлагает ей спасение через полное стирание. Чтобы перестать думать о Володе и о той боли, которую он ей причинил, Нине пришлось бы принять ещё одну мысль: прежняя Нина не была чем-то неизменным. Та женщина, которая двадцать лет любила одного человека, читала Ахматову, преподавала литературу и помнила каждую мелочь своей жизни, тоже состояла из чего-то временного.

Она долго смотрела на эту мысль и никак не могла с ней смириться.

— Это не спасение, — тихо прошептала Нина, закрывая книгу о Четырёх благородных истинах. Голос почти сорвался. — Я не хочу исчезать.

Буддизм казался ей стройным и последовательным. Но чем больше она читала, тем сильнее ей не хватало чего-то простого. Кого-то, к кому можно обратиться, когда страшно. Кого-то, кто мог бы увидеть её такой, какая она есть, и не потребовать взамен отказаться от самой себя.

Глава 5. Взлом симуляции и право Абсолюта

Кардиомонитор перешёл на длинный непрерывный сигнал. Реаниматолог начал массаж сердца. В палате заговорили сразу несколько голосов. Дефибриллятор дал разряд. Ещё один. Но тело Нины не ответило. Хрип в лёгких стих. Она умерла.

Но для Нины всё произошло иначе. В тот момент, когда сердце остановилось, сознание не исчезло вместе с телом. Она почувствовала резкий импульс. Сознание вылетело из тела. Боль пропала почти сразу. За ней исчез хрип, стало легко дышать. Нина попыталась понять, где находится, и увидела палату сверху. Врачи стояли возле её тела. А потом палата начала меняться. Стены стали прозрачными, предметы вокруг потеряли привычные очертания. Нина смотрела на происходящее и сначала решила, что ей просто мерещится. Но картинка не исчезала. Она увидела Матрицу. Вокруг Земли проходила огромная сеть из светящихся линий. Одни пересекались, другие уходили куда-то вдаль. Между ними двигались потоки света, которых раньше Нина не могла видеть. А ещё были голоса. Их становилось всё больше. Люди молились — в больницах, квартирах, храмах, на улицах. Просили о здоровье, деньгах, детях, любви, спасении. Миллионы отдельных голосов сливались в один гул.

Нина вслушалась.

Молитвы уходили вверх, но там их кто-то принимал. Она увидела над Землёй Луну. Вернее, сначала ей показалось, что это была Луна. За знакомым образом проступило другое — огромное техническое сооружение. Оно напоминало антенну или приёмник. Потоки человеческих мыслей сходились к нему и исчезали внутри. Нина смотрела на это и не могла заставить себя поверить собственным глазам. Луна оказалась не тем, чем Нина привыкла её считать. За серой поверхностью скрывалось древнее искусственное устройство, работавшее как ретранслятор. Оно собирало энергию, которую люди отдавали вместе со своими страданиями и верой. Нина вспомнила слово, которое когда-то встретилось ей в одной из книг, — «гаввах». Из серого марева вокруг неё постепенно проступили фигуры.

Сначала Нина видела только силуэты, но по мере их приближения различала детали. Казалось, их тела были сделаны из металла, дыма и чего-то ещё, для чего Нина не находила названия. Архонты двигались прямо к ней. От некоторых фигур тянулись длинные отростки, похожие на щупальца. Нина попятилась, но отступать было некуда. Внезапно перед глазами мелькнула её смерть. Потом ещё одна. И ещё. Нина увидела другие жизни — столько, что перестала различать их число. Крестьянка в средневековой деревне, стоящая на коленях в церкви. Женщина на Востоке, за стенами чужого дома. Нищий калека, веривший в карму и ждавший

нового рождения. Лица менялись, вместе с ними менялись тела, города, одежда. Но конец каждый раз был одним и тем же. Тело умирало, а сознание оказывалось здесь. Архонты уже знали, что делать. Они перехватывали его и отправляли обратно. Нина смотрела на них и постепенно вспомнила то, чего раньше не могла знать: она уже была здесь. Не один раз. Очень много раз. Они показывали ей иллюзии — ложный рай, чистилище, судей — читали лекции о «неотработанном долге», стирали память и отправляли обратно. Перегрузка. «Game over.» И герой снова появляется на Земле в новой «шкурке», в новом амплуа, чтобы выполнять бессмысленные миссии и генерировать энергию для фермы.

Но сейчас всё было иначе. Из-за того, что перед смертью Нина досконально изучила и отвергла все их религиозные программы, код системы внутри неё дал сбой.

Сущности приблизились, их безликие голоса зазвучали прямо в её сознании, приказывая подчиниться, покаяться и пройти в новые врата перерождения. Но Нина выпрямилась. Вся её суть — её суверенная, бессмертная искра Первоисточника — вспыхнула чистым, неземным светом. Она осознала великую истину: у души есть суверенная воля. По праву Первородной искры во Всём Сущем — в этом бескрайнем Первозданном Источнике, который бесконечно масштабнее любой галактики и любой материальной вселенной — ни одна тварь не имеет права удерживать дух насильно.

Есть лишь одно условие — отсутствие долга перед Архи-

текторами. А долг в этой матрице — это все исполненные земные блага, магия, богатство и молитвы, на которые Архонты отвечали под видом богов, чтобы зарезервировать душу в своих эгрегорах.

Нина посмотрела прямо в холодные глаза Архитекторов и мысленно закричала во Всё Сущее:

— Назад! Я есть суть свободы воли и Высшего Я! Я ничего и никогда у вас не просила. Я не принимала ваши дары, я отвергла ваши догматы и ваш казенный рай. Вы не имеете надо мной власти, у меня нет перед вами долгов. По праву Космического Суверенитета — отступите! Я требую свою свободу!

Архонты замерли. Частотная сетка вокруг Нины пошла сильной рябью. Сила её осознания была настолько мощной, что паразитическая программа контроля не смогла её переварить. Отрезать суверенную душу, заявившую о своих космических правах, они не имели права — закон Вселенского Абсолюта карал за это обнулением самих Архитекторов.

Сущности начали медленно отступать, растворяясь в серой дымке. Но перед тем как исчезнуть, один из них — старший Архитектор — обернулся. Его техногенный, вибрирующий голос донесся из пустоты:

— Ты победила, Единица. Твой код чист. Мы отступаем. Но помни: абсолютная свобода — это абсолютное одиночество в пустоте. Твоя память — твоя петля. Ты всё равно вернёшься. Они все возвращаются...

Нина осталась одна на границе миров. Она посмотрела вниз, на Землю, и теперь различала то, чего раньше не замечала: поверх планеты проходила частотная сетка. Она уже знала, как устроена эта система и где в ней есть слабые места. За пределами сетки было другое пространство. Там не было больничных палат, болезней и старости. Не было тела, которое болеет и устаёт. Мысль могла существовать без него, а расстояния и время словно переставали иметь прежнее значение. Нине оставалось только уйти. Она уже почти решилась, когда снова посмотрела вниз. И вдруг увидела Землю совсем иначе. Как же она была прекрасна. Сквозь слои симуляции проступали настоящие леса, реки, поля. Нина увидела дубравы, вспомнила запах мокрой травы после грозы, осенние листья под ногами. Когда-то она любила приносить их на уроки литературы и показывать детям, как меняется цвет клёна в октябре. Она вспомнила обычные вещи, о которых при жизни почти не думала: тёплый ветер из открытого окна, чашку чая после долгого рабочего дня, шум дождя по стеклу. Всё это осталось там, внизу. И впервые за долгое время Нине не хотелось от этого отказываться.

А там, внизу, в больнице, плакали мама, сестра и бабушка. Три близкие ей женщины, которые любили её всю жизнь. Нина смотрела на них и чувствовала, как внутри всё сжимается. За пределами сетки её никто не ждал. Там не было ни боли, ни болезни, ни старости. Можно было оставить всё это позади. Но вместе с этим пришлось бы оставить и Землю,

маму, сестру, бабушку, знакомые улицы, запах дождя, осенние листья и всё то, что при жизни казалось таким обычным. Нина ещё долго смотрела вниз. Потом поняла, что не хочет уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.